



И ПОГАСЛИ ОГНИ ВО ВСЕМ МИРЕ

1883

1

Таланты и монстры

Элис Куик тихо стояла под потрепанным непогодой платаном в сумраке Монпарнаса, подняв воротник плаща из промасленной кожи и следя темными глазами за тем, как со шляпы падают капли дождя.

В рукаве она прятала нож, у лодыжки — еще один. В руке сжимала похожий на дубину железный прут длиной фута четыре. За углом с грохотом и брызгами пронесся фиакр с покачивающимися боковыми фонарями; извозчика видно не было. Париж окутывала тьма, и дождь был темным, ему под стать.

Со стороны Элис казалась вполне обычной. В этом-то и заключается особенность монстров: все они выглядят именно так. Она жила в городе уже почти месяц, но до сих пор в любой толпе вызывала едва заметную волну беспокойства. Дело было не в одежде — брюках и грязном кожаном плаще; по крайней мере, в Париже в последнее время женщина в мужской одежде

не воспринималась как нечто особенное. Не привлекали лишнего внимания ни костяшки ее пальцев, довольно крупные даже для некоторых мужчин, ни шрамы на запястьях, как у кузнеца, ни глина в спутанных соломенных волосах. Лишь тонкий, словно от полумесяца, блик в ее глазах, похожий на повернутый в сторону клинок, притягивал взгляды прохожих, но защищал Элис от их расспросов. Четыре месяца назад она убила своего партнера и друга, выстрелила ему в сердце, глядя прямо в лицо, а до того встречала ужасы, которые бывают лишь в страшных сказках, детей, наделенных странными способностями, и монстров, настоящих монстров, которых не переставала видеть, даже закрыв глаза. Один из них сильно ранил ее, пронзив дымным щупальцем на крыше мчащегося поезда. Какую бы заразу он ни занес, она до сих пор оставалась в ее теле. По утрам Элис просыпалась от боли и прижимала руку к старой ране, представляя, как там, под кожей, в области ребер, ползает какая-то чудовищная тварь, часть ее самой.

И вот на бульваре показалась фигура, быстро шагающая под дождем в забрызганном грязью плаще. Это была Рибс. На поясе у нее висел фонарь в форме бычьего глаза. Элис, выйдя из тени, вместе с ней поспешила к крышке уличного люка. Она приоткрыла ее железным прутком — и поток воды хлынул через край, устремившись дальше во тьму по ржавым железным скобам. Рибс забралась внутрь, и Элис спустилась за ней.

Зацепившись за железные перекладки, она потянулась вверх и задвинула тяжелую крышку, отрезая их от дождя. А после в наступившей тьме последовала за подругой вниз, вглубь парижских катакомб.

— О боже, — пробормотала Элис, ощутив, как ботинки касаются дна. Голос отозвался гулким эхом. — Есть тут хоть какой-то свет?

Спустя мгновение окно старого фонаря со вставленной в него линзой открылось — и слабый желтый луч осветил подземный проход. Сняв фонарь с пояса, Рибс прислонила его к стене, а затем откинула мокрый капюшон и пригладила рыжие волосы. В холодном воздухе ощущался кисловатый привкус.

— Никаких богов. Только я, — усмехнулась Рибс, оскалив зубы.

— Что? — окинула ее непонимающим взглядом Элис. — Я ждала целый час.

— Я не виновата, что ты так рано пришла, — подмигнула та. — А еще я раздобыла нам ужин. Ты-то о нем наверняка не позаботилась.

— Тебя никто не видел?

— *Видел* меня? — поведя носом, уязвленно переспросила Рибс. Она распахнула плащ и вынула сверток из грубой бумаги. — Вот, погляди. Багет и полголовки сыра. Если кое от кого здесь остались одни кости, это не повод, чтобы и мы становились такими, правда?

Элис подавила улыбку. Несмотря на то что Рибс было всего пятнадцать или шестнадцать лет, что-то в ее облике и манере держаться наводило на мысли, что та никогда по-настоящему не была ребенком. При этом казалось, что и по-настоящему взрослой она никогда не станет.

В катакомбах висела густая тишина. Три туннеля с высокими дугообразными потолками расходились в разные стороны. Элис закрыла глаза, в боку ее вновь пульсировала темная глухая боль.

Они искали второй орсин, дверь между мирами, способ проникнуть в страну мертвых, где в ловушке оставался живой мальчик. Вход располагался где-то под Парижем. Об этом много месяцев назад в залитой солнцем оранжерее в Карндейле Элис сообщил доктор Бергаст под сухой клекот сидевшей у него на запястье костяной птицы с холодными и мертвыми глазами. Почти сразу после приезда в Париж Элис ощутила боль, расплзающуюся из старой раны в боку по левой руке до кончиков пальцев. Как будто, проснувшись, зашевелилась та пыль, которую в Элис оставил Джейкоб Марбер — извращенный талант, слуга зла, более страшного, чем все, что она могла представить. Пыль словно знала, что орсин уже близко, и, точно леска с крючком, потянула Элис дальше, сперва по людным переулкам и бульварам, по мостам, потом по лабиринту склепов с иссохшими костями. Идущей за ней Рибс оставалось только

настороженно озираться по сторонам. Элис же просто следовала туда, где боль ощущалась сильнее.

Но вот они покинули пределы склепов. Под Парижем находилась целая сеть древних каменоломен, туннелей и вырубленных в известняке лестниц — лишь малая часть из них была известна ныне живущим. Ходили слухи о том, что в глубоких подземельях обитают бледные существа, мстительные духи. Слухи о берлогах головорезов и карманников. О потерявшихся во тьме из-за погасших фонарей рабочих, чьи тела находили уже годы спустя. Истории о внезапных обвалах, тупиках и бездонных обрывах.

Возможно, что-то из этого и было правдой. Но Элис полагала, что самое страшное в этой тьме — она сама и то, что внутри нее.

— Ну что, а теперь в какую сторону? — задорно спросила Рибс, поглядывая на Элис.

Та состроила мрачную гримасу и повернула в ведущий ниже левый туннель, повторяя маршрут, проделанный ими прошлой ночью и отмеченный красным мелом. Рибс держалась позади.

Сначала туннели были широкими и сухими. Луч света прыгал по стенам в такт движениям Рибс, освещая дорогу лишь на несколько шагов вперед. Постепенно туннель поворачивал, пока не уперся в железную лестницу, установленную здесь, по-видимому, столетие назад. Осторожно перешагнув пролом в известняке, Элис с Рибс спустились, не переставая следить за оставленной красным мелом линией. Внизу начиналась галерея, потолок которой поддерживали колонны, чьи тени криво падали в черноту. Воздух стал холоднее. Путницы поспешили дальше.

Время от времени они останавливались, чтобы глотнуть воды или съесть кусочек хлеба, но надолго не задерживались. Рибс забиралась на глыбу известняка и растягивалась, свесив руки, или же плюхалась на землю, если та была сухой, и устало дышала спертым воздухом.

Именно во время одной из таких передышек Рибс упомянула их подругу, повелительницу пыли Комако. Настояв на том,

чтобы действовать в одиночку, та отправилась в Испанию на поиски древнего глифика, скрывающего тайну второго орсина.

— Такая упрямая. *Боже*. Надеюсь, с ней все в порядке.

— Она умеет позаботиться о себе, — пробормотала Элис. —

Если о ком и стоит беспокоиться, то лишь о глифике.

Рибс насмешливо фыркнула.

Тьма будто сгустилась, приглушая их голоса. Элис не понравился усталый тон подруги.

— Мы обязательно найдем этот орсин, правда?

Ответа не было.

— Рибс?

— Ну да, — наконец отозвалась та. — Но меня беспокоит то, что будет *потом*.

— А потом мы вытащим оттуда Марлоу. Вот что.

Рибс перекаtilась на спину и подняла голову. Фонарь выхватил ее казавшееся нездорово-бледным в тусклом свете лицо.

— Даже думать не хочу о том, что еще оттуда может выйти. Тогда, в Карндейле, Чарли казался таким испуганным.

В галерее вдруг стало еще холоднее.

— Никак не могу перестать думать о нем. Особенно по ночам, когда пытаюсь заснуть.

— О Чарли?

— Нет.

Элис поняла, о чем хотела сказать Рибс. Они нечасто упоминали Марлоу вслух. Она подумала о том маленьком мальчике, которого знала, о спокойной уверенности, которую излучало его лицо, о том, как, несмотря ни на что, он верил в ее доброту, о странной силе у него внутри. Казалось, с тех пор как она впервые увидела проявление его таланта — то голубое сияние в палатке под Ремингтоном, — прошла целая жизнь. При взгляде на него даже у суровых мужчин выступали слезы. Она не знала, что сказать. Рибс тем временем села и подлила в фонарь топливо, а затем достала запасную свечу.

— Ты устремляешься в темноту, потому что там все плохо, — пробормотала она, — потому что это единственный

способ противостоять злу. Я понимаю. Но в темноте легко прийти к мысли, что зло сильнее, чем оно есть на самом деле.

Элис молчала. Рибс иногда удивляла ее. Пристегнутый к запыстью клинок, казалось, слегка утешал. Она подумала о том, что порой плохое находится вовсе не в темноте, а прямо на свету, перед глазами.

Элис встала. Скала над головой давила своей тяжестью. Тьма за пределами круга света казалась бесконечной.

— Идем дальше, — тихо сказала она.

В девятистах семидесяти милях к югу, в заросшем саду на южном побережье Сицилии, недалеко от виллы, не обращая внимания на развевающийся подол длинной юбки, босиком по воде шагала Эбигейл Дэйвеншоу.

Теплый ночной воздух доносил аромат базилика, росшего в горшках возле старого сарая садовника. Из-за закрытых ставнями окон слышались голоса и детский смех. Всю жизнь Эбигейл была слепой, но ее господин и благодетель, человек, который вырастил и воспитал ее, не позволил слепоте помешать ее способностям. Он часто повторял, что слепота и зрение не противоположности и что мнение об их противостоянии друг другу — это лишь предрассудок зрячих. За прошедшие годы Эбигейл узнала, что существует множество видов зрения. Она ходила не во тьме, а в некоем подобии снежной дымки, присутствовавшей по краям ее внутреннего зрения как днем, так и ночью. Она ощущала яркий свет лампы или жар солнца в ясный день, особенно когда поворачивала к ним лицо. Эбигейл по-прежнему была худой — как та школьная учительница с гордой осанкой, которой она некогда была в Карндейле, но теперь в ней ощущалось нечто новое. Груз ответственности за детей, которых она привезла из Англии, и за новое убежище, которое они строили здесь, изменил ее.

Эбигейл нравилось то время дня, когда спасенные дети под присмотром Сьюзен занимались своими делами, а она могла выскользнуть в сад и остаться наедине со своими мыслями. Теперь же подростки, которых она так полюбила, оказались

разбросаны по свету: юный Оскар здесь, с ней, защищал и представлял малышей; Рибс вместе с Элис расхаживала по бульварам Парижа; ее старшая подопечная Комако где-то в Испании охотилась за обитающим там, по слухам, глификом. Чарли, как она надеялась, был где-то в Северном море и, возможно, уже вернулся в Эдинбург. Она больше всего беспокоилась о нем, ведь он утратил свой талант хаэлана — точнее, Бергаст *украл* его, буквально вырвал на краю орсина. Молодой разум Чарли переполняла злоба, и он винил себя в случившемся в Карндейле — почти во всем. И где-то на задворках сознания Эбигейл всегда оставался Марлоу, маленький Марлоу, затерявшийся в мире мертвых — возможно, и сам уже ставший одним из них.

С мрачным видом она пригладила и без того туго затянутые волосы. Нет, нельзя допускать такие мысли.

Больше всего ей хотелось собрать всех вместе и предложить им убежище — тихую гавань, где они могли бы просто наслаждаться юностью, постигать свои таланты и учиться скрывать их в мире рядовых людей, которые боятся всего необычного.

Но, проводя пальцами по листьям бугенвиллеи, она с печалью думала, что, вероятно, этому не суждено сбыться.

Им повезло вообще оказаться здесь. Вилла с прошлого века находилась в доверительном управлении Карндейла, древнего убежища талантов. Это подтвердили документы, случайно обнаруженные среди бумаг Маргарет Харрогейт в Лондоне, и тогда Эбигейл приняла безрассудное решение перевезти всех на юг. Окна главного дома, расположенного на скалистом мысе у самого моря и бывшего в свое время в распоряжении некой англичанки, заколотили еще восемьдесят лет назад, в эпоху Наполеоновских войн, и с тех пор в нем никто не жил. Крыша местами провалилась. Из каретного домика произрастало дерево. Всю виллу окутывала атмосфера глубокой печали — возможно, так ощущалось уходящее время. На второй неделе Чарли с Оскаром нашли под прачечной потайную комнату — длинное помещение, вырубленное в скале, с выбитыми на стенах надписями. Эбигейл с удивлением провела по ним пальцами, прислушиваясь к эху мальчишеских шагов, и в душе ее зародилась

надежда. Она изучала грубые изображения орсинов, талантов, рогатой фигуры, которая, по ее мнению, представляла друга — древнее зло, питавшееся молодыми талантами и соблазнившее Джейкоба Марбера. Здесь наверняка хранились секреты, старые истины, но можно ли было их расшифровать?

Большая часть времени уходила на тяжелую работу по восстановлению виллы. Эбигейл провела тыльной стороной ладоней по щекам и, ощутив выступающие вены, подивилась следам, что годы оставили на ее теле. Волосы она по-прежнему зачесывала назад, оставляя открытыми лицо и шею, а глаза прикрывала повязкой. Как всегда, ради детей. Старая повязка, подарок, сделанный благодетелем много лет назад, пропала, когда на них напал Джейкоб Марбер, во время пожара в Карндейле. Теперь же это была обычная черная ткань, купленная на рынке в Палермо во время сбора припасов для долгой поездки в Агридженто.

Дойдя до каменного фонтана в центре сада, она остановилась. Все дорожки, словно спицы колеса, сходились здесь. Под благоухающими гибискусами и магнолиями стояла гнилостная вонь, напоминающая тяжелый смрад скотобойни. Эбигейл повернулась к ней лицом.

— Мистер Чековиш, пожалуйста, скажите Лимениону, чтобы он отошел от фонтана.

Со стороны скамейки слева от нее раздался шум, и мальчишеский голос зашипел:

— Лименион! Я же говорил тебе *не ходить туда*. Это неприлично. — И тут же с сожалением обратился к ней: — Мне очень жаль, мисс Дэйвеншоу, честное слово. Просто ему нравится держать ноги в воде. Ему здесь так жарко.

— Р-рух, — произнес голем.

Послышался звук шевелящейся грузной плоти.

— Возле сарая садовника стоит бочка с водой, Лименион, — строго, но без раздражения сказала Эбигейл.

Она подумала о том, как храбро вело себя это существо во время того страшного осеннего пожара, как оно пожертвовало собой, сражаясь с Джейкобом Марбером, и как было разорвано

на куски. В последние дни их пребывания в Палермо Оскар исчез, а потом появился с обновленным Лименионом. Она не стала спрашивать, откуда взялся материал для обновления.

Сам Оскар тоже изменился. Он будто взял на них с Лименионом ответственность за безопасность других детей и на удивление серьезно подошел к своей роли. Он все еще отличался некоторой робостью и нерешительностью, но теперь в его голосе все чаще звучали стальные нотки. В свои тринадцать лет он уже столкнулся с невиданными для многих ужасами и выжил. Как бы то ни было, он навсегда потерял невинность и уже никогда не обретет ее вновь.

«Как и все они, — с досадой подумала Эбигейл. — У них никогда не было настоящего детства».

— Джубал и Мередит почти закончили восстанавливать стену, как вы и просили, — сказал Оскар. — Лименион помогает. Я знаю, что они оба клинки, но они еще маленькие, долго не выдерживают. Скоро стена станет достаточно прочной, и под нее будет трудно сделать подкоп. Лименион думает, что это была собака. И еще, мисс Кроули просила передать, что в кладовой снова не хватает муки и соли. Она сказала, что повозка опаздывает, и хотела спросить вас — может, ей подыскать нового бакалейщика?

До города было около часа езды. Эбигейл покачала головой:

— Мисс Кроули привыкла к английскому расписанию. Думаю, нам всем придется привыкать к сицилийским порядкам.

— Р-р-р-р, — согласился Лименион.

— А что насчет мистера Овида? Есть какие-то новости?

— Сегодня утром из города на почту прибежал посыльный мальчишка из лавки. Чарли прибыл в Эдинбург, он в безопасности. Больше никаких подробностей.

— И ничего про надпись? Или про женщину-алхимика, которая может нам помочь?

— Наверное, он написал письмо сразу же, как приехал, — задумчиво ответил Оскар. — Ну, знаете же, как он обычно пишет. Так вот, эта записка еще короче. Но... мисс Дэйвеншоу...

— Да?

— Утром Лименион нашел кое-что у стены. Кое-что... неестественное.

Эбигейл заинтересованно повернулась к нему.

— Может, это была собака... Или раньше была. Одна из тех диких собак с холмов. Трудно точно сказать. У нее не было головы. И что-то впилося в нее, разорвало на части. Там, откуда я родом, сказали бы, что это дело рук волков. Вот только внушенности никто не съел, мисс Дэйвеншоу. Их просто... вытащили и разложили вокруг убитой. Словно... предупреждение.

Эбигейл вдруг охватила тревога. Нащупав выступ каменного фонтана, она села и провела рукой по прохладной водной глади.

— На Сицилии нет волков, мистер Чековиш. Где сейчас эти останки?

— До сих пор там. Я не хотел к ним прикасаться. Что-то в них мне показалось... неправильным. Как думаете, что это могло быть?

— Может, ничего особенного, — сказала она тихо.

Слева от нее, будто лошадь после скачки, тяжело пыхтел Лименион. В разрушенном бальном зале виллы кто-то заиграл на старой пианоле, и по саду разнеслась жутковатая нестройная мелодия. Эбигейл подумала о тайной комнате под прачечной, с древними рунами и резными изображениями талантов, и о бродящих за стенами диких собаках. Подумала о привезенных из Англии детях со слабыми, еще не до конца оформившимися талантами и о том, как Сьюзен Кроули суежилась над ними, словно заботливая мать. Это должно было быть безопасное, надежное место.

Она встала, ощущая внезапно накотившую усталость.

— И что мне делать с этими останками? — спросил Оскар.

— Закопать, — ответила Эбигейл. — Закопайте там, где никто не найдет.

Повисев на руках, Комако Оноэ спрыгнула с железных перил, ощущая, как в лицо бьет утренний барселонский дождь, и беззвучно приземлилась на булыжную мостовую.



В зубах она сжимала нож.

Человек с черной собакой — злой талант, которого здесь называли *el Vicari Anglès**, — уже скрылся за углом. Несмотря на дождь, небо было светлым, и Старый город с его каменными кварталами и неровными улицами казался Комако странным. Лучше всего она изучила его в темноте. Щурясь от света, она то и дело подносила руку к лицу. Мелкий дождь превращался в липкий туман.

На плечах ее лежал темный, пропитанный дождем плащ, ноги путались в мокрых пурпурных юбках. Сыпь на руках прикрывали перчатки. Заплетенные в тяжелую, похожую на кнут косу волосы скрывались под плащом. Комако присела, прислушиваясь. В столь ранний час узкие извилистые улицы Готического квартала Барселоны, к счастью, были пусты. Она хорошо усвоила, что в это время одинокая девушка многим могла показаться легкой добычей, а у нее не было ни минуты, чтобы учить мужчин уважению.

Хотя это навряд ли представляло для нее какие-то трудности.

Она выслеживала «английского викария» уже две недели, ночь за ночью. Говорили, что он бродит по улицам один, с черным псом, следующим за ним по пятам, — зловещая фигура, появившаяся после сожжения Карндейла. Он бежал с небольшой группой талантов, мелкими воришками, и спрятался где-то в городе. Работница красильного цеха в Вальядолиде поклялась, что они знают путь к испанскому глифику, поклялась с ужасом в глазах, когда пыльная веревка Комако стянула ей горло и оставила черные, похожие на ожоги пятна. Комако решила ей поверить.

Шаги фигуры стихли. Комако перешла на бег, смахивая капли с глаз, в которых вспыхнула стальная жестокость.

Теперь она стала другой. В ней проявились невиданная ранее холодность, суровость. Она вызвалась поехать в Испанию в одиночку, чтобы найти испанского глифика, отчасти потому,

* Английский викарий (*кат.*).

что не могла выносить присутствия остальных. Прежде всего выживших в Карндейле малышей, которых не смогла защитить. Но еще и лучшую подругу, Рибс, едва не убитую личем Джейкоба, и Чарли с грустными глазами, наблюдавшего теперь за ней как бы издалека, словно за незнакомкой. Утрата Марлоу, казалось, отдалила их друг от друга, пусть горе и было общим для всех. И темная правда — по-настоящему ужасная правда, хоть она никому никогда в ней не признается, — заключалась в том, что в глубине души Комако не верила, что Марлоу выжил. Он просто умер и пропал, как ее сестра Тэси, как и все остальные. Потому что таков мир.

Сказать по правде, после той ужасной ночи в душе Ко что-то переменялось. Там будто стало меньше надежды. Наверное, из-за того, что она вновь увидела Джейкоба, который некогда, словно старший брат, предлагал ей доброту и утешение. Она вспомнила, как они вместе сидели на крыше старого театра Кабуки под звездами, вспомнила, как он шептал ей что-то о семье и любви и о том, что никогда ее не бросит. Но потом он поддался соблазну друга... «Нет! — остановила она себя. — Скажи, как было на самом деле!» Он *позволил* себе поддаться соблазну, сам выбрал этот путь, превратившись в монстра. А ведь она многим на него походила. Походила всегда. И знала об этом.

Это ее и пугало.

Теперь же она единственный уцелевший повелитель пыли, единственная, кто готов сражаться. Старых талантов больше нет. Нет и Фрэнка Коултона. Да, Комако приехала в Испанию в одиночку, чтобы уберечь остальных от опасности, но, если быть до конца честной, оказалась здесь еще и потому, что не хотела, чтобы друзья увидели, на что она готова пойти.

Но на что именно?

Что бы это ни было, она это сделает.

Комако следовала за человеком с черной собакой по бульвару Ла Рамбла, держась в тени платанов, а когда тот дошел до Бокерии, нырнула в лабиринт улиц позади рынка. За древними стенами виднелась новая застройка квартала Эшампле — фешенебельные площади и новые квартиры, становящиеся

выше с каждой неделей, наплевав на дождь. Но в самых старых районах, в лабиринтах переулков, где она сняла комнатуху над лавкой канатчика, царили лишь тени, раздавался скрежет тележных колес, а грязные улицы были усеяны лужами. Ее это вполне устраивало.

Мужчина пересек небольшую площадь с фонтаном в виде сатира, задержавшись на углу переулка с разваливающимися домами. Мелькнул развевающийся шарф, скрывший на мгновение поднятый воротник пальто и надвинутую на лоб шляпу. Мужчина был очень высоким. Лица отсюда не разглядеть. Он размахивал тростью с серебряным наконечником словно оружием, а мастиф рысью следовал за ним.

Подойдя к черной двери с прибитым к ней железным молотком, мужчина вынул из кармана кольцо с ключами. Пес повернул морду к дождю и посмотрел прямо на Ко. У нее перехватило дыхание: в такую погоду управлять пылью она не могла и единственным оружием оставался зажатый в кулаке нож. Но мужчина ее не заметил; пригнувшись, он вошел внутрь, и пес, будто живая тень, скользнул за ним следом.

Комако быстро пересекла площадь. За незапертой дверью она обнаружила побеленную прихожую и уходящий во мрак коридор. В нише на блюде стояла погасшая свеча. Ко сняла перчатки, крепко сжала фитиль в кулаке — и через мгновение свеча вспыхнула.

Ей нужно было только поговорить. Эти таланты должны подсказать ей, как найти испанского глифика. Вот и все. Она не собиралась драться, не хотела причинять кому-то вред.

«Но ты ведь все равно взяла с собой нож, не так ли? — подумала она. — Вряд ли он потребуется тебе в помещении».

На мгновение она пожалела, что с ней нет Рибс или Чарли, а после нахмурилась от собственной слабости. Мокрые следы ботинок вели к двери в подвал. В воздухе ощущались странный металлический запах и что-то еще. Что-то нечистое.

Она спустилась по лестнице.

Потолок подвала держали столбы с арками из каменных блоков. Пол был уляпан грязью. Комако отложила нож

и, притянув к себе пыль, почувствовала кожей старую боль. Затхлый запах казался знакомым. В дальнем углу подвала горела еще одна свеча.

Над грубым столом, спиной к ней, склонился мужчина. Тот самый талант, которого она выслеживала. Он снял шляпу, и стало видно, что с одной стороны его волосы сожжены. Ухо выглядело уродливым, словно оплавленный кусок воска. Когда она приблизилась, он чуть повернул лицо и из темноты раздалось рычание огромного черного мастифа. На плаще блестели капли воды. В темном углу виднелась куча одежды.

— Por qué me molestas aquí? — спросил мужчина хриплым голосом, выпрямляясь и разворачиваясь.

Комако тут же притянула к свободной руке тугое кольцо пыли. Ее пронзила боль. Свеча за спиной мужчины обрисовывала лишь его темный силуэт — выше и шире, чем ей казалось раньше. В одной из испещренных шрамами рук он как оружие держал трость с серебряным наконечником. Когда Комако подняла свою свечу, то на мгновение смутилась, не понимая, что именно видит перед собой. Впалые, покрытые щетиной щеки, усохшие губы, расходившиеся при каждом вздохе. Слезающиеся глаза. Одно веко, тонкое как бумага, дрожало будто лист на ветру. На прорезанном глубокими морщинами лбу разместились волосы. Затем все черты сложились воедино — и она поняла, что лицо его обезображено ожогами. От изумления она задержала дыхание.

— Мистер Бэйли? — прошептала Комако.

Он, нависая, наблюдал за ней. И вдруг в его глазах блеснуло узнавание — узнавание, смешанное с отвращением.

— Мисс Оноэ, — сказал он. — Что вам нужно? Почему вы здесь?

Она поразилась тому, как быстро забилося ее сердце. В Карндейле все они опасались его, слуги доктора Бергаста, который каждому из них мог приказать отправиться в кабинет директора в любое время дня и ночи. Он никогда не улыбался,

* Почему вы меня беспокоите? (кат.)

редко говорил и не придавал никакого значения страху, который внушал остальным.

Тогда она тоже боялась и ненавидела его.

Теперь же Ко трясла головой, пытаясь понять, как он здесь оказался. Мисс Дэйвеншоу ведь утверждала, что видела его мертвым, разве не так? В ту последнюю ночь в Карндейле. Мертвым, с разорванным горлом. Почему же он до сих пор жив? Но вдруг Ко поняла, что ей на это плевать. Она смотрела на него — на его шею с ужасными шрамами, на блестящие капли на лице, будь то капли дождя или слезы, — как на человека, который был ближе всех к тому, кто все это устроил. На мгновение испанский глифик, как и цель ее поисков, стерся из памяти. Остался лишь гнев. На сжатом кулаке стусился комок пыли.

— Вы знали? — требовательно спросила она. — Вы знали о плане доктора Бергаста? Что он хотел заполучить силу друга для себя? Что он использовал нас, использовал Марлоу...

Но мистер Бэйли продолжал молча взирать на нее.

— Какое это имеет значение? — тихо сказал он. — Оглянитесь. Он потерпел неудачу. Теперь нам придется пережить последствия этого.

И тут, к своему ужасу, она поняла, что в тени лежит не куча одежды. Это были тела. Она насчитала четыре. Три женщины и один мужчина. Сильно изуродованные, почти разорванные на части. К счастью, их лица прикрывали плащи и рубашки. К одной из стен тянулось густое пятно крови.

— Был еще один, маленький мальчик, — продолжил мистер Бэйли. — Хуан Карлос. Заклинатель.

— Ему удалось уйти?

— Никому не удастся уйти.

Комако заставила себя посмотреть на тела, одно за другим. А затем спросила:

— И кто это сделал, мистер Бэйли?

Но, уже задавая вопрос, она знала ответ. Когда он произнес это слово — *друг*, — по всему ее телу пробежало что-то холодное, страшное. Она еще сильнее сжала кулак с густой черной

пылью. Под не закрывающимся до конца веком мужчины блеснул мутный глаз с молочным отливом. Он не лгал. Но ведь ему не известно то, что знает она: что друг мертв, что доктор Бергаст уничтожил его у орсина.

— Не может быть, — прошептала она. — Вы сами видели? Как друг... сделал это?

— Сейчас везде опасно, мисс Оноэ, — сказал мужчина. — Для любого из талантов, даже для такого повелителя пыли, как вы.

Комако с трудом заставила себя вновь взглянуть в его искаженное лицо. Посмотреть по-настоящему. Она услышала достаточно.

— Я ищу «английского викария», — холодно произнесла она, сдерживая ярость. — Таланта с черным псом и серебряной тростью. Мне сказали, что он знает путь к испанскому глифику. Это вы?

— А, это... Нет. — Он тяжело опустился на стул. — Уже нет.

— Что вы хотите сказать?

Он проигнорировал ее вопрос.

— Он вернется. Это будет продолжаться, пока он не найдет меня. Думаю, он ищет именно меня. Да. Да, меня.

На пол с плаща Комако падали капли дождевой воды. Ей казалось, что мужчина наполовину безумен.

— Нам нужна ваша помощь, мистер Бэйли, — сказала она, не в силах сдержать дрожь в голосе.

Древние стены вокруг них скрипнули.

— Вам? — мистер Бэйли медленно поднял искаженное лицо с пустым взглядом. — Кому это *вам*?

— Мне с мисс Дэйвеншоу. И еще с некоторыми детьми. Мы выбрались оттуда.

Он изучающе посмотрел на нее. Казалось, что он что-то просчитывает.

— А с чего это вдруг мисс Дэйвеншоу разыскивает испанского глифика? самого древнего и самого опасного из всех глификов. Он скрыт не без причин.

— Ради Марлоу, — резко ответила Комако, ощутив вспышку гнева. — Он исчез в ту же ночь, когда сгорел Карндейл. Сначала



Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

